

ПУЗЫРЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА
докторант Московского университета
Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

75 ЛЕТ ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ О ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ВОЙНЫ 1949 ГОДА: ПРИМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Аннотация. В 2024 г. исполнилось 75 лет Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. Положения договоров остаются актуальными и в наши дни, несмотря на современные вызовы и угрозы, связанные с распространением международного терроризма, кибервойн, развитие новых технологических видов вооружения, усложнение методов ведения войны. Женевские конвенции 1949 г. содержат ряд универсальных положений, применимых к новым реалиям военных действий.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Женевские конвенции, защита жертв войны, кибервойны, новые виды оружия, урбанизация конфликтов.

12 августа 2024 г. в Женеве (Швейцария) состоялось празднование 75-летия со дня принятия четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.¹, составляющих, наряду с принятыми в 1977 г. и в 2005 г. Дополнительными протоколами к ним², основу международного гуманитарного права (далее — МГП), разработанного в целях обеспечения баланса между элементами военной необходимости и более широкими гуманитарными и гуманными соображениями.

Положениями Женевских конвенций 1949 г. определены универсальные основы защиты для лиц, которые не принимают непосредственного участия в военных действиях, будь то гражданское население или комбатанты, вышедшие из строя по причинам болезни, ранения или попадания в плен. В основе договоров лежит принципиальная гуманно-нравственная идея, согласно которой единственной законной целью войны является ослабление вооруженных сил противника, поэтому военную необходимость следует увязывать с человечностью, запрещая страдания, ранения или разрушения, которые не являются необходимыми для достижения законной военной цели. Эти соглашения, призванные облегчать страдания и сохранять человеческое достоинство в военное время, представляли собой дальновидный шаг в истории человечества³.

Предпосылки к появлению современных Женевских конвенций сложились еще в 1859 г., когда во время поездки в Северную Италию швейцарский предприниматель Анри Дюнан стал свидетелем ужасов, сопровождавших битву при Сольферино. Глубоко

¹ Дипломатическая конференция по выработке международных конвенций о защите жертв войны, созванная Федеральным советом Швейцарии — депозитарием Женевских конвенций состоялась в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г.

² 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям были приняты два Дополнительных протокола: Протокол I, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и Протокол II, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. В 2005 г. к Женевским Конвенциям был принят Дополнительный протокол III о введении дополнительной отличительной эмблемы в виде Красного креста и Красного полумесяца.

³ Котляров И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: (основные теоретические проблемы и практики): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 502 с.

потрясенный страданиями раненых, оставшихся без помощи, он написал «Воспоминания о битве при Сольферино», в которой были изложены две революционные идеи: создание обществ по уходу за ранеными на войне в каждой стране и заключение международного соглашения о защите раненых и медицинских работников¹.

Результатом явилось создание в 1863 г. Международного Комитета Красного Креста (МККК) и проведение в 1864 г. в Швейцарии дипломатической конференции, по итогам которой была принята первая Женевская Конвенция об улучшении участи раненых на поле боя. Таким образом, в 2024 г. отмечается юбилей не только Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., но и 160-летие со дня подписания первого исторически-значимого соглашения, заложившего начала к распространению движения Красного Креста по всему миру и закрепившего правовые новеллы в гуманизации ведения войны и защите ее жертв без какого бы то ни было различия².

В последующие годы правительством Швейцарии и МККК было созвано еще несколько дипломатических конференций, призванных пересмотреть и улучшить Женевскую конвенцию 1864 г., а также расширить круг субъектов, подлежащих защите нормами МГП. В частности, речь идет о Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г.

Существенное влияние на развитие и совершенствование положений Женевских конвенций 1949 г. оказали договоры о законах и обычаях войны, принятые по итогам двух Гаагских конференций мира в 1899 г. и в 1907 г., созданных по инициативе Российской империи³. Среди значимых соглашений следует отметить X Гаагскую конвенцию о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1907 г., положения которой легли в основу ныне действующей Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. В рамках Гаагских конференций мира зародилась знаменитая оговорка Мартенса⁴, получившая название в честь выдающегося юриста и дипломата Ф. Ф. Мартенса, представителя Российской империи на Первой Гаагской конференции в 1899 г. Клаузула, разработанная и предложенная Ф.Ф. Мартенсом в ходе переговоров в качестве спонтанного компромисса, была включена в преамбулу Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. и сегодня по-прежнему считается важным положением МГП, позволяющим восполнить пробелы правового регулирования ведения военных действий и отсылающим к признанным народами обычаям, принципу гуманности и требованиям общественного сознания⁵. Положения оговорки Мартенса сформулированы таким образом, что позволяют восполнить имеющиеся правовые пробелы в МГП, касающиеся защиты лиц от жестокостей войны.

¹ Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино: перевод с французского. 3-е изд. М.: МККК, 2009. 106 с.

² Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2005. 1615 с.

³ Гликман О. В. Значение Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 6–9.

⁴ Ivanenko V. The origins, causes and enduring significance of the Martens Clause // International Review of the Red Cross. 2022. № 104 (920-921). P. 1708–1724.

⁵ «Оговорка Мартена» представляет собой следующее положение: «В случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Окончательное оформление положений современных Женевских конвенций о защите жертв войны произошло по окончании Второй мировой войны, ужасающие последствия которой определили острую необходимость не только в доработке и усовершенствовании гуманитарных норм международного права, но и потребность в разработке нового договора о защите гражданского населения, которое в период войны подвергалось масштабной по численности депортации, массовому истреблению, пыткам, голоду, грабежу.

По итогу дипломатической конференции в Женеве в августе 1949 г. были приняты четыре конвенции, которые актуальны и значимы по сей день: Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (ЖК I); Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (ЖК II); Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (ЖК III); Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (ЖК IV).

Следует отметить структурное единство принятых договоров в части закрепления практически идентичных норм в отдельных разделах. К таким общим положениям относится: ст. 1, согласно которой «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию»; положения ст. 2, регламентирующие, что «... настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны. Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны...».

Особого внимания заслуживает содержание ст. 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., в которой впервые на уровне международно-правового регулирования определены нормы поведения, обязательные для соблюдения участниками вооруженных конфликтов, не носящих международный характер¹.

Общими положениями, объединяющими все четыре договора, также являются нормы о пресечении нарушений Конвенций, которые размещены в разделах под названием «Выполнение конвенции». Единство подходов заключается в том, что государства обязаны ввести в действие уголовное законодательство, которое окажется наиболее эффективным для обеспечения наказания лиц, виновных в серьезных нарушениях Женевских конвенций 1949 г., перечень которых представлен в соответствующих статьях договоров, а также иных действий, противоречащих положениям Конвенций².

Заключительные положения четырех Женевских конвенций 1949 г. также идентичны и затрагивают вопросы подписания, ратификации и вступления Конвенции в силу, а также присоединения к ней.

¹ Павлова Л. В. Роль статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. в прогрессивном развитии международного гуманитарного права // международного права и международных отношений. 2010. № 4. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/18167> (дата обращения: 30.09.2024).

² Положения о пресечении нарушений Конвенций содержатся в ст. 49–52 Женевской конвенции I 1949 г., ст. 50–53 Женевской конвенции II 1949 г., ст. 129–131 Женевской конвенции III 1949 г. и ст. 146–149 Женевской Конвенции IV 1949 г.

Особо следует отметить оговорку Мартенса, нашедшую закрепление во всех анализируемых договорах в статьях, затрагивающих процедуру денонсации соглашений. Так, согласно единому правовому подходу, в случае денонсации Конвенции стороны, находящиеся в конфликте, будут обязаны продолжать выполнять в силу принципов международного права, поскольку они вытекают из обычаев, установившихся среди цивилизованных народов, из законов человечности и велений общественной совести¹.

К настоящему времени Женевские Конвенции 1949 г. ратифицированы всеми государствами, что подтверждает их универсальный статус и значимость для достижения максимальной гуманности на поле боя². Однако сегодня человечество сталкивается с нарастающими опасными изменениями характера вооруженных столкновений, что актуализирует проблемы защиты людей, страдающих от военных действий. К числу отдельных тревожных особенностей современной войны относится: быстрое развитие новых смертоносных оружейных технологий, урбанизация боевых действий, частое применение тяжелых вооружений с поражением на большой территории, вовлечение в конфликты негосударственных вооруженных групп, в том числе террористического характера, усиление киберугроз. Все эти факторы, среди прочего, приводят к тому, что вооруженные конфликты становятся более смертоносными, менее гуманными, обладают разрушительными гуманитарными последствиями и вызывают тревогу в связи с повышенным риском нарушений МГП. Однако и в данных ситуациях, спустя 75 лет, Женевские конвенции 1949 г. все также актуальны, а их положения отвечают вызовам сегодняшних вооруженных конфликтов при условии добросовестного применения.

Все чаще военные действия разворачиваются в городах, однако эта новая тактика не отменяет основных правил, заложенных Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним в части проведения различия между гражданскими объектами и военными, гражданским населением и комбатантами, необходимостью обеспечения принципа соразмерности и пропорциональности, трактовки военной необходимости в контексте гуманности с тем, чтобы защищать гражданских лиц и лиц, вышедших из строя, в условиях ведения военных действий в густонаселенной территории с высокой степенью застройки инфраструктурой³. Кроме того, в рамках урбанизации вооруженных конфликтов все также, как и много лет назад, сохраняется необходимость по обеспечению соблюдения норм ЖК IV 1949 г. по защите гражданского населения, а также лиц, вышедших из строя, раненых, больных во время осады и окружения.

В последние годы терроризм и меры по борьбе с ним в рамках вооруженного конфликта стали предметом дискуссий политического, гуманитарного и правового характера⁴. При разрешении правовой дилеммы о применении МГП к борьбе с терроризмом в условиях вооруженного конфликта государствам следует помнить, что согласно ст. 3

¹ Непреходящее значение оговорки Мартенса нашло подтверждение в ст. 62, 63, 142, 158 соответственно Женевских конвенций I–IV 1949 г., в ст. 1 Дополнительного протокола I 1977 г. и в преамбуле Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

² Информация о ратификации Женевских конвенций 1949 г. размещена на официальном сайте МККК. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/geneva-conventions-1949additional-protocols-and-their-commentaries> (дата обращения: 30.09.2024).

³ Пузырева Ю. В. Проблемы реализации принципов международного гуманитарного права о защите гражданского населения и гражданских объектов в современных вооруженных конфликтах // Современное право. 2022. № 12. С. 103–108.

⁴ Чернядьева Н. А. Международное право в борьбе с терроризмом: антитеррористическое право ООН и региональных объединений, Пермь, 2016. С. 15.

общей для всех Женевских конвенций 1949 г., такое решение не легитимизирует статус террористов в конфликте¹, а лишь позволяет обеспечить юридические основания для введения в действие корпуса норм и принципов МГП в целях регулирования поведения сторон для минимизации страданий жертв войны, причиняемого материального и экологического ущерба. Отрицание применения МГП к военно-силовой борьбе с терроризмом в очевидных ситуациях вооруженного конфликта, а также исключение возможности признания за негосударственными вооруженными группами, причисленными к террористическим, статуса стороны в немеждународном вооруженном конфликте, порождают существенные гуманитарные проблемы². Такая «концепция отрицания» ставит под угрозу защиту уязвимых категорий населения на территориях, охваченных военными действиями в рамках борьбы с терроризмом, приводит к блокировке усилий гуманитарных миссий и организаций по оказанию медицинской, продовольственной и иной помощи, что в своей совокупности приводит к нарушениям положений о неприкосновенности и защите как лиц, так и объектов, предусмотренных в Женевской конвенции 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним.

В современных вооруженных конфликтах отдельными государствами уже используются киберинструменты и кибервозможности. Следует отметить, что официальных заявлений по реализации государствами конкретных военных действий в информационном пространстве на данный момент времени не так много³. Однако все потенциально новые ситуации военно-политических угроз в информационной сфере также подпадают под регулирование принципов и норм МГП. Так, например, в случаях кибератак не теряют свою актуальность положения Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним по защите гражданских объектов от нападений, нормы, запрещающие неизбирательные нападения и обязующие принимать все возможные меры предосторожности с целью избежать сопутствующий ущерб для гражданских лиц и гражданских объектов или по меньшей мере свести его к минимуму. Кроме того, не стоит забывать оговорку Мартенса, применение которой весьма актуально к регулированию отношений в

¹ Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. Подтверждение обязательства предоставлять защиту во время вооруженного конфликта по случаю 70-летия Женевских конвенций. Женева: МККК, 2021. С. 68.

² Ferraro T. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues // IRRC. № 916-917 February 2022. P. 131–192.

³ Отдельные заявления поступали от действующих должностных лиц США, Великобритании, Австралии в отношении проведения данными государствами киберопераций в вооруженном конфликте с ИГИЛ. Кроме того, были обнародованы заявления, согласно которым Израиль использовал информационное силовое воздействие в отношении ХАМАС. В официальном заявлении МИД России отмечено, что «на фоне специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, демилитаризации и денацификации Украины США и их сателлиты предпринимают массированную кибероперацию против нашей страны». Эти доводы нашли подтверждение в заявлении главы Киберкомандования США П. Накасона, подтвердившего проведение со стороны США против России и в поддержку Украины серии наступательных, оборонительных и информационных операций в киберпространстве в контексте вооруженного конфликта. См.: Paul M. Nakasone. Statement of General Paul M. Nakasone, Commander, United States Cyber Command, before the Senate Committee on Armed Services. 14 February 2019 // Senate Armed Services Committee. URL: www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Nakasone_02-14-19.pdf (дата обращения: 30.09.2024); Doffman Z. Israel Responds to Cyber Attack with Air Strike on Cyber Attackers In World First. 6 May 2019 // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/zakdoffman/2019/05/06/israeli-military-strikes-and-destroys-hamas-cyber-hq-in-world-first/?sh=21c6a31bafb5> (дата обращения: 30.09.2024); Заявление МИД России в связи с продолжающейся киберагрессией со стороны «коллективного Запада» // МИД России: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806906/ (дата обращения: 30.09.2024).

кибернетической сфере в рамках вооруженных конфликтов, не нашедших должной правовой регламентации на данный момент времени.

Вопрос о возможностях применения в вооруженных конфликтах автономных систем вооружения в настоящее время является, пожалуй, наиболее дискуссионным¹. Расширенное применение такого оружия может оказаться вне регулирования МГП, поскольку присутствуют риски потери человеческого контроля при применении силы и замены человеческого фактора в условиях принятия решений сенсорными, программными и машинными процессами². Среди экспертов и ученых ведутся дискуссии по данному вопросу на уровне созданной в 2016 г. в рамках Конвенции о негуманном оружии ГПЭ, которая успешно функционирует и принимает содержательные доклады в рамках установленного мандата. Вместе с тем, даже в настоящих условиях огромный потенциал МГП, закрепленный в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним, включая требования оговорки Мартенса в части общественного сознания, гуманности, применимы для введения и последующего регулирования ограничительно-запретительных режимов в отношении конкретных видов вооружений, включая смертоносные автономные системы вооружения.

Из представленного краткого обзора, отражающего отдельные вызовы настоящего и будущего в вооруженных конфликтах, следует понимание, что спустя 75 лет, Женевские конвенции, столь прогрессивные в 1949 г., по-прежнему актуальны в современных войнах. Отдельные формулировки соглашений были составлены в достаточно общих чертах, чтобы выдержать испытание временем. Разработчики прекрасно понимали, что создают правовые основы, которые должны быть долговечными. Современная задача участников вооруженных конфликтов — обеспечивать добросовестное исполнение принятых обязательств по МГП, что не только привнесет гуманизм в сферу военных действий, но и будет способствовать повышению эффективности МГП в современных условиях формирования нового миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюньон, Ф. Международный Комитет Красного Креста и защита жертв войны / Ф. Бюньон. — Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2005. — 1615 с.
2. Гликман, О. В. Значение Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. / О. В. Гликман // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 6-9.
3. Дюнан, А. Воспоминание о битве при Сольферино: перевод с французского / А. Дюнан. — 3-е изд. — Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2009. — 106 с.
4. Котляров, И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: (основные теоретические проблемы и практики): монография / И. И. Котляров. — Москва: Юрлитинформ, 2013. — 502 с.
5. Павлова, Л. В. Роль статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. в прогрессивном развитии международного гуманитарного права // международного права и международных отношений. — 2010. — № 4. — URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/18167>.

¹ Скуратова А. Ю., Королькова Е. Е. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 22-30.

² Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. Подтверждение обязательства предоставлять защиту во время вооруженного конфликта по случаю 70-летия Женевских конвенций. Женева: МККК, 2021. С. 68.

6. Пузырева, Ю. В. Проблемы реализации принципов международного гуманитарного права о защите гражданского населения и гражданских объектов в современных вооруженных конфликтах / Ю. В. Пузырева // Современное право. — 2022. — № 12. — С. 103–108.

7. Скуратова А. Ю. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования / А. Ю. Скуратова, Е. Е. Королькова // Российский юридический журнал. — 2019. — № 1 (124). — С. 22–30.

8. Чернядьева, Н. А. Международное право в борьбе с терроризмом: антитеррористическое право ООН и региональных объединений / Н. А. Чернядьева. — Пермь, 2016. — 422 с.

9. Ferraro, T. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues / T. Ferraro // IRRC. — 2022. — № 916-917. — P. 131–192.

10. Ivanenko, V. The origins, causes and enduring significance of the Martens Clause / V. Ivanenko // International Review of the Red Cross. — 2022. — № 104 (920-921). — P. 1708–1724.